

Марк Александрович Алданов (Ландау) (1886-1957).

Издание: М.А.Алданов; "Истребитель", рассказ. Изд-во "Посев", Германия, 1967.

OCR и вычитка: Александр Белоусенко (belousenko@yahoo.com), 27 октября 2002.

Библиотека Александра Белоусенко (belousenkolib.narod.ru)

ИСТРЕБИТЕЛЬ

Рассказ

Рассказ о скромном советском гражданине, о Ялтинской конференции, и о том как она отразилась на его жизни; с художественной характеристикой трех главных ее участников, решавших судьбу мира.

1

Этот дворец построил в Алупке сто лет тому назад несметно богатый русский князь. Он хотел создать в Крыму, тогда сплошь населенном мусульманами, дворец в восточном стиле и велел его строить по образцу испанской Альгамбры. Но князь, воспитывавшийся в Англии, поручил постройку знаменитому шотландскому архитектору, и мавританский стиль дворца стал напоми-нать английскую готику. Много своего внесли также выписанные из Италии многочисленные мастера. И, странным образом, создалось над морем чудо из серо-зеленого камня, не похожее ни на что другое в мире. Вели ко дворцу по садам гранитные террасы с цветниками и лестницы белоснежного каррарского мрамора. Везде были фонтаны со сквозной резьбой, львы, статуи, саркофаги. Стены мавританских дворов были затканы ползучими розами.

Последняя владелица дворца по каким-то воспоминаниям не любила его и почти никогда в нем не бывала. При переходе к ней огромного крымского майората большая часть мебели была продана. После революции в 150 комнатах дворца распоряжались разные учреждения, во время войны похозяйничали в нем немцы, но все же остались целы и дворец, и волшебные сады, в которых росли кипарисы, магнолии, лавры.

В январе 1945 года по южному берегу Крыма прошел глухой слух, будто скоро должны туда прибыть очень важные особы. Ежедневно стали приходить грузовики с мебелью, посудой, разной утварью. Приезжали новые люди, для которых у местных жителей отбирали помещения в Ялте, в Алупке, в Ливадии, в Симеизе, в Гурзуфе.

2

Получил приказание выехать и Иван Васильевич. Он жил у большой дороги в низенькой татарской сакле с плоской глинобитной крышей. Иван Васильевич, мало зарабатывавший одино-кий человек, не держал домашней работницы и сам вел свое хозяйство. В сакле у него было то, что испокон веков полагалось у зажиточных татар. Пол был выстлан цыновками, а поверх них у стен узкими ковриками с каймой. Два низких дивана были покрыты кошмами. Над одним на ковре вокруг длинного тяжелого кремневого ружья с раструбом и сошкой висели лук, стрелы, широкий нож с деревянной рукояткой, нагайка с серебрянным кольцом, уздечка с тяжелыми кованными удилами. Это осталось как было у татарина. На другой же стене Иван Васильевич в 1937 году, бормоча про себя что-то невнятное, повесил портрет Сталина. Вокруг стола стояли соломенные стулья, на столе были погнувшийся самовар, поднос с толстыми фаянсовыми чашками, черниль-ница без крышки и самопишущее перо со сломанным рычажком. На большой этажерке, повалив-шись влево на всех ее полках, стояли собрания сочинений русских классиков и ученые книги: "Психология женщины при свете новых фактов и теорий" профессора Патрика, "Опыт упрощения жизни", "Вокруг Вальденского озера" Торо, "Поэзия и правда мировой любви (В. Г. Короленко)" Ивана Иванова. Были еще технические руководства и оставленный сыном "Гектор Сервадак" Жюля Верна. В этой крепко сшитой книге в красном раззолоченном переплете Иван Васильевич хранил свои сбережения, в расчете на то, что вору не придет в голову рыться в библиотеке. На правом диване теперь еще лежало Священное Писание. Он был с юношеских лет неверующим человеком. Прежде держал эту книгу под замком: у него бывали разные люди. После смерти сына часто читал Пророков и Новый Завет. С прошлого же четверга больше книги не прятал: теперь ему было все равно.

До обеда Иван Васильевич уничтожал насекомых в садах. Вернувшись к себе, поднимался в хорошую погоду на крышу. Там у него был шатающийся столик со старой подошвой под одной из ножек, выцветшая скамейка и жаровня. На крыше он готовил наливку и раствор парижской зелени, варил